

Литература

1. Дугин, А. Сетевое общество и его враги / А. Дугин // Профиль. – 28.01.2008. – № 3(559). – С. 34.
2. Кастельс, М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе / М. Кастельс // Концепция «общества-знания в современной социальной теории: сб. науч. трудов; отв ред. Д.В. Ефименко. – М.: РАН ИНИОН, 2010. – С. 238–266.
3. Castels, M. The rise of the Network Society / M. Castels. – 2nd ed. – UK. : Wiley-Blackwell, 2010. – 624 p.

ОБНОВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ И СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1985–1991 гг.)

Болтрушевич Н.Г.,
ВГМУ, г. Витебск, Республика Беларусь

В истории Беларуси за последние десятилетия произошел существенный пересмотр роли и места религии в жизни белорусского общества. Существенно возросли роль, авторитет и влияние религиозных организаций, прежде всего традиционных для белорусского народа конфессий – Белорусской православной церкви, Римско-католической церкви, Евангельско-лютеранской церкви, иудаизма и ислама.

В современных реалиях государство перешло от принципа отделения государства и школы от церкви к принципу построения взаимоотношений государства и религиозных организаций с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа (статья 16 Конституции Республики Беларусь).

Однако такие конструктивные отношения между государством и церковью были не всегда. История серьезного переосмысления и реального осознания неоднозначности навязанного советскому обществу атеистического курса в решении религиозного вопроса началась с апреля 1985 г. и была связана с началом процесса глубоких социальных перемен [5, с. 67–68].

В Беларуси процесс обновления церковной жизни был отмечен следующими основными направлениями. Во-первых, на территории республики возобновили деятельность десятки православных, католических, протестантских приходов, верующим возвращались храмы, часовни, началось строительство новых церквей, молитвенных домов, синагог. Если в БССР в 1975 г. действовали 657 зарегистрированных религиозных обществ всех конфессий, то в 1990 г. – 1095 [2, д. 111, л. 48].

А уже к концу 1991 г. зарегистрированных религиозных организаций в Беларуси насчитывалось 1325, которые относились к 13 религиозным конфессиям. Это почти столько же, сколько было в 1945 г., когда после массового возрождения религиозности в годы Великой Отечественной войны и легализации деятельности церкви на государственном уровне, произошел массовый рост количества верующих, восстановление и регистрация религиозных организаций и, в первую очередь, православных [3, д. 112, л. 12–14].

Во-вторых, ведущую роль среди конфессий по количеству верующих и приходов в республике занимала православная церковь. К концу 1991 г. количество зарегистрированных православных обществ равнялось 705, в 1990 г. – 544, на 1 января 1989 г. – 477, на 1 января 1985 г. – 370 [7, д. 100, л. 3].

Именно в этот период начался процесс возрождения епископских кафедр. Так, определением Священного Синода отбиюня 1989 г. были восстановлены Полоцкая, Могилевская и Пинская кафедры. К 1992 г. на территории Беларуси действовали 10 епархий, которые входили в Белорусский Экзархат Русской православной церкви. 16 октября 1989 г. решением Синода Русской православной церкви в Беларуси было учреждено новое духовно-административное образование – Белорусский Экзархат Русской православной церкви, а Митрополит Минский и Гродненский Филарет получил титул Патриаршего Экзарха Беларуси. При Экзархате был образован Синод [1, д. 108, л. 21, 104].

Среди основных направлений в деятельности Белорусской православной церкви и лично Патриаршего Экзарха Беларуси Филарета выделялась организация подготовки духовных кадров. С 16 сентября 1989 г. на базе Свято-Успенского Жировичского монастыря начала действовать православная Минская духовная семинария. В декабре 1988 г. произошло открытие Минского духовного училища, которое уже в конце 1989 г. дало первый выпуск псаломщиков-регентов. Большой интерес у верующих вызвало издание «Минских Епархиальных ведомостей», которые с января 1990 г. были преобразованы в «Вестник белорусского Экзархата» [1, д. 108, л. 21, 31].

В-третьих, новые условия развития государственно-церковных отношений способствовали тому, что многие верующие и, в первую очередь, молодежь, активно включились в жизнь религиозных организаций. В свою очередь и сама церковь проявляла «небывалую активность по евангелизации населения» (из докладной записки «О религиозной обстановке в Республике в 1990 г.»). В ряде мест Беларуси начали действовать двухмесячные курсы по изучению Библии как для взрослых, так и для детей. Например, в г. Новополоцке, Витебская область, школа по изучению Священных книг была открыта в Парке культуры и отдыха. «Заня-

тия проводят Епископ Дмитрий и священник Ульхин М. Учеба в школе платная, но родители с этим согласны» [Цит. по: 2, д. 111, л. 46].

Получили широкое распространение фестивали духовной музыки, концерты церковных хоров, выступления христианских оркестров и др. Для проведения мероприятий религиозным организациям предоставляли театры, дворцы, дома культуры, клубы.

В-четвертых, активизация религиозной жизни, пересмотр государственно-церковных взаимоотношений обусловили формирование нового законодательства. Еще в 1990 г. началось рассмотрение и активное обсуждение Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятого Верховным Советом СССР 1 октября 1990 г. В основе данного закона был заложен принцип изменения статуса Русской православной церкви и других религиозных организаций, которые получили должную правовую основу своей деятельности и приобрели правоспособность юридического лица [4, с. 318]. В декабре 1992 г. Верховный Совет Республики Беларусь принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях», где в основе отношений государства и церкви лежали демократические подходы в вопросах свободы совести, были учтены исторические религиозные традиции белорусского народа [6, с. 734].

Современная религиозная ситуация в Беларуси – это итог поисков и компромиссов государства, верующих и в целом всего общества. Но первые шаги к построению сильного фундамента этих отношений были сделаны именно в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг.

Литература

1. Докладные записки, информации, справки Совета по делам религий при СМ СССР по БССР, областных Советов по делам религий о состоянии религиозности в республике. Том 1 // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 136. – Описание 1. – Дело 108.

2. Докладные записки, информации, справки уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по БССР, областных уполномоченных Совета о состоянии религиозности в республике // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 136. – Описание 1. – Дело 111.

3. Докладные записки, информации, справки Совета по делам религий при СМ СССР по БССР, областных Советов по делам религий о состоянии религиозности в республике // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 136. – Описание 1. – Дело 112.

4. Канфесіі на Беларусі (к. 18–20 ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; пад навук. рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск: ВП Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

5. Одинцов, М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / М.И. Одинцов // На пути к свободе совести:

сб. статей; под общ. ред. Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). – Москва: Прогресс, 1989. – С. 29–72.

6. Современная Беларусь: энциклопедический справочник: в 3 т. / редкол.: М.В. Мясникович [и др.]. – Минск: Белорус. наука, 2007. – Т. 3: Культура и искусство. – 778 с.

7. Статистические сведения уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по БССР и областных уполномоченных Совета по делам религий о действующих церквях, монастырях, костелах и др. религиозных объединениях и духовенстве за 1988 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 136. – Опись 1. – Дело 100.

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРАКТИКИ НОМАДИЗМА И ПОГРАНИЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Воробьева С.В.,

БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Актуальность проблемы цифровой идентичности в сетевом обществе обусловлена необходимостью уточнения соотношения тождества и отклонения в дискурсивных практиках, которые все в большей степени становятся практиками номадизма, обуславливая пограничное бытие человека, «кочующего» в глобальной сети. Поэтому теоретически и практически значимым является вопрос соотношения практик номадизма и пограничных состояний как аспектов указанной идентичности.

Феномен цифровой идентичности выходит за пределы обоснованного Л. Витгенштейном тождества «границ моего языка» и «границ моего мира» в когнитивную сферу, которую можно описать дихотомией «бытие в границах языка и вне его границ», порождающих аргументы сознания и аргументы тела. В ситуациях, когда границы мира не являются языковыми, имеет место дефицит категориальных форм бытия, компенсируемый понятийно-ассоциативными образами или всецело сенсорными формами его восприятия. Это исключает из идентификации язык как высказывание предмета в пользу языка как демонстрации себя (например, «селфи») или как поведения в коммуникации (например, троллинг). Без доступа к опыту, которым вызвана ориентация на себя или на другого человека, внешние цифровые расширения порождают ряд проблем, требующих решения [1–3].

Идентичность в широком смысле – рефлексорное (подсознательное) или рефлексивное (сознательное) удержание себя в границах, поддерживаемое аргументами тела или разума. Такое удержание подразумевает попытку когнитивного контроля опыта, в котором основной границей всего выступает граница «Я сам» – процесс самоидентификации, включающий опыт телесных ощущений и психических процессов [4, с. 260–261]. Имен-